

Подоксенов А. М. Пришвин и Троцкий : человек, «похожий на фармацевта», в повести «Мирская чаша», публицистике и «Дневнике» писателя / А. М. Подоксенов, В. А. Телкова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 164—177. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-164-177.

Podoksenov, A. M., Telkova, V. A. (2021). Prishvin and Trotsky: a Man “like a pharmacist” in the novel “The World Cup”, journalism and the Writer’s Diary. *Nauchnyi dialog*, 1: 164-177. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-164-177. (In Russ.).

УДК 82:316.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-164-177

Пришвин и Троцкий: человек, «похожий на фармацевта», в повести «Мирская чаша», публицистике и «Дневнике» писателя¹

© Подоксенов Александр Модестович (2021), orcid.org/0000-0001-6405-6140, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия), podoksenov2006@rambler.ru.

© Телкова Валентина Алексеевна (2021), orcid.org/0000-0001-5738-3143, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия), telkova.2014@bk.ru.

Актуальность исследования обусловлена тем, что предметом статьи является еще не рассмотренный в пришивноведении вопрос о влиянии Л. Д. Троцкого [Бронштейна], который был одним из ключевых вождей большевизма, возглавлявших Октябрьский переворот, на мировоззренческие взгляды и творчество М. М. Пришвина. Показано, что в отечественном искусстве трудно найти художника слова, чье творчество в такой же мере было бы обусловлено влиянием идейно-политического контекста. Новизна исследования в том, что впервые предпринята попытка показать, как через отдельных персонажей своих произведений Пришвин в художественно-образной форме отразил характерные особенности поведения, бытовые привычки, стиль мышления и речи Троцкого. Особое внимание уделяется анализу ранее не издававшихся из-за цензурных ограничений произведений писателя: повести «Мирская чаша», публицистики революционных лет и 18-томного «Дневника», которые стали доступны для читателя только в постсоветское время. Показано, что, изображая Троцкого как «фармацевта», который по своим рецептам пытается творить будущее огромной страны, Пришвин стремится не только

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Липецкой области в рамках научного проекта № 20-412-480001 «Художник и власть: Михаил Пришвин и советские вожди».

художественно отобразить его нравственный облик и личностные черты, но и передать особенности идейно-политической борьбы в советском обществе.

Ключевые слова: Пришвин; Троцкий; марксизм; большевизм; классовая борьба; идеология; политика; революция; государство.

1. Актуальность изучения творчества М. М. Пришвина

Особенность биографии Михаила Михайловича Пришвина (1873—1954) — тесное переплетение его творческого пути не только с эпохальными и переломными событиями русской истории, но и с судьбами целого ряда отечественных представителей культуры, науки и политики. Один из них — Лев Давыдович Троцкий [Бронштейн] (1879—1940) — революционный и государственный деятель, член Политбюро ЦК партии большевиков, народный комиссар по военным и морским делам, организатор концентрационных лагерей, заградительных отрядов и системы заложничества. До настоящего времени вопрос о влиянии Троцкого на мировоззрение и творчество Пришвина еще не был предметом анализа исследователей, и среди почти двух тысяч источников библиографического указателя литературы о творчестве писателя за период с 1908 по 2013 годы нет ни одной статьи по теме «Пришвин и Троцкий», см.: [Михаил ..., 2013]. Во многом это обусловлено тем, что отражение событий революционной эпохи в творчестве Пришвина из-за цензурных ограничений было скрытым как в задержанной на многие годы повести о революции «Мирская чаша» (в полном виде издана лишь в 1986 году), так и в потаенном 18-томном «Дневнике» (1905—1954), публикация которого осуществлена лишь в постсоветское время (1991—2017).

2. Л. Д. Троцкий и парадигма политизации советского искусства

Хорошо известно, что культурная жизнь России, начиная от Октябрьской революции и вплоть до начала 1990-х годов, была под идейно-политическим давлением правящей партии, что оказало влияние на все сферы духовного бытия общества, включая литературу и литературоведение. Свой вклад в политизацию искусства внес и Троцкий. Бытует даже мнение, что «именно Троцкий заложил советскую традицию оценки художественных явлений не с эстетической, а с чисто политической точки зрения» [Борев, 1991, с. 6].

Однако следует отметить, что Троцкий лишь развивал и конкретизировал исходную марксистскую идею классового подхода к культуре, как это делали многие представители русского революционно-социалистического движения: Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, А. В. Луначарский, А. А. Богданов и др. Классовый подход при анализе всех сфер жизни общества для боль-

шевизма всегда был основным методом мышления, определял отношение к культуре как простых партийцев, так и вождей. В октябре 1920 года Ленин провозгласил, что в стране победившей революции политика РКП (б) «в области искусства должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата» [Ленин, 1963, с. 336]. Такая же точка зрения была и у Троцкого: «Революционная литература не может не быть проникнута духом социальной ненависти» [Троцкий, 1991, с. 178].

По вполне компетентному мнению Пришвина, различие взглядов Троцкого и Ленина по вопросу партийного руководства культурой было политически несущественным: «В литературе Ленинизм называется “напостовство”, а Троцкизм “попутчество”» [Пришвин, 1999, с. 190]. Здесь следует дать расшифровку понятий, отражавших позиции различных литературных группировок, которые вели политическую борьбу в сфере художественного творчества. Если «напостовство» выражало ультрареволюционный сектантский подход группы писателей и критиков, объединившихся вокруг журнала «На посту» (1923—1925) и ратовавших за создание особого «пролетарского искусства», то термин «попутчики» введен непосредственно Троцким для обозначения тех деятелей искусства, которые, не являясь сторонниками пролетарской революции, в силу обладания художественным мастерством могли быть полезны для становящейся культуры пролетарского государства.

Вышесказанное позволяет понять, почему редактор А. К. Воронский заявил Пришвину о невозможности напечатать «Мирскую чашу» в журнале «Красная новь», ибо *такая* повесть о революции неминуемо будет запрещена цензурой. Встретив столь категоричный отказ, Пришвин решает послать рукопись самому Троцкому, который вместе с Лениным в те годы находился во главе властной верхушки советского государства. Повидимому, это было одним из первых проявлений традиции «писем к вождям» — прошений о «высочайшей санкции» на то или иное деяние, своеобразное свидетельство укрепляющегося тоталитаризма власти. Весьма значима для понимания умонастроения Пришвина в тот период и дата отправки рукописи: «24 августа [1922]. Читаю в “Звене”. В Москве и Петербурге арестовано и высылается за границу около 200 литераторов, профессоров, инженеров. И все наркомы занимаются литературой. <...> Время садического совокупления власти с литературой» [Пришвин, 1995, с. 260].

Отправляя рукопись «Мирской чаши» Троцкому 24 августа, то есть именно в тот день, когда им была прочитана газета «Звено», Пришвин писал, что «власть должна иметь мужество дать существование целомудренно-эстетической повести, хотя бы она и колола глаза» [Там же, с. 260—

261]. Однако отзыв Троцкого о пришвинской повести, сообщенный в редакцию «Красной нови» по телефону, стал похож на приговор: «Признаю за вещь крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционна» [Там же, с. 267]. В этом случае оправдано мнение А. Л. Юрганова, что особенностью мировоззренческих взглядов Троцкого как политика была ставка «на мировую революцию, ее будущее, тогда как основная масса людей в стране хотя и не отрицала такой возможности, но предпочитала жить днем нынешним, а не будущим» [Юрганов, 2018, с. 98].

Заключение Троцкого, в числе прочего «садически» занимавшегося литературой, закономерно вызывает множество вопросов: начиная с того, по каким эстетическим критериям нарком определял художественные достоинства повести, до вопроса, какие же моменты описания автором революционных событий могли нанести идейно-политический вред большевизму. По нашему мнению, причины неприятия Троцким повести можно прояснить, если сопоставить художественное бытие персонажей «Мирской чаши» с их прототипами — конкретными историческими лицами. Анализ идейно-политического и социокультурного контекстов творчества писателя, соотнесение жизни реальных личностей и вымышленных автором персонажей, реагирующих на злободневные проблемы бытия, поможет приоткрыть и смысл отдельных эпизодов, и логику развития сюжета всего художественного произведения.

Следует отметить, что, кроме явно критического отношения к идеологии правящей партии, сатирического изображения Маркса, Ленина и самого Троцкого, текст «Мирской чаши» содержит множество религиозно-нравственных и философских идей, политических оценок и художественных аллюзий, говорящих о том, что в круг авторского мышления вовлечены крупнейшие деятели как отечественного (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. В. Розанов), так и европейского (М. Штирнер, Ф. Ницше, А. Бергсон, У. Джемс) искусства и культуры [См.: Подоксенов, 2007]. А поскольку Троцкому, безусловно, были известны эти имена, то понятно, что его отношение к автору повести, порочащей революцию, могло быть только негативным.

Как известно, Троцкий сам был не чужд художественного таланта, о чем свидетельствуют его многочисленные публикации на самые разные общественно значимые темы, и в отношении искусства взгляды политика не были полностью подчинены идейно-классовой ортодоксии и догматике. Так, обсуждая с партийными идеологами проблемы становления советской культуры, Троцкий, вопреки общепринятому мнению (да и ряду сво-

их собственных постулатов), писал, что приверженность марксизму «вовсе не означает стремления командовать искусством при помощи декретов или предписаний. <...> Продукты художественного творчества должны в первую очередь судиться по своим собственным законам», более того, он был убежден, что сфера «искусства не такая, где партия призвана командовать», поэтому свой путь становления советское искусство «должно проделать на собственных ногах» [Троцкий, 1991, с. 135, 142, 170].

О том, что Троцкий обладал несомненным художественным вкусом, говорит не только его оценка повести Пришвина (*«признаю за вещь крупные художественные достоинства»*), но и вполне компетентные суждения об эстетических достоинствах целого ряда произведений известных в те годы писателей и поэтов, о которых идет речь в его книге. Вместе с тем, как справедливо отмечает Н. А. Омельченко, «высокие оценки Троцким творчества “попутчиков” не должны, однако, вводить нас в заблуждение относительно идейных и политических воззрений автора “Литературы и революции”» [Омельченко, 2016, с. 123]. Поэтому запрет публикации «Мирской чаши» был обусловлен не только идейно-политическими, но и личными мотивами Троцкого, безусловно, узнавшего себя в образах фантазмагорических, а порой и гротескно-комических персонажей повести.

Получив отповедь Троцкого, напрямую инкриминировавшего писателю «контрреволюционность», Пришвин осознает близость репрессий и для него самого, понимает, что «волчий паспорт» от власти ему дан: «Я в России при моем ограниченном круге наблюдений никогда не напишу легальной вещи, потому что мне видны только страдания бедных людей и еще теперь — торжество богатых и властных» [Пришвин, 1995, с. 267]. Однако провал с изданием «Мирской чаши» по иронии судьбы для писателя неожиданно стал спасительным: Троцкий вскоре был провозглашен «контрреволюционером», и уже сам автор «Мирской чаши» вполне мог быть объявлен «троцкистом» за рассказ в повести о том, как советские чиновники сидели в кабинетах в окружении портретов вождей РКП (б): «Ленин, Троцкий и все тут на открытках», и каждый на них «молится, презирая окружающих» [Пришвин, 2001, с. 113]. И лишь запоздавшим отголоском тех событий, чреватых для Пришвина возможностью попасть под удар репрессивных органов, стали нападки критиков в 1930-е годы, которые считали, что «такие явления, как война и революция, прошли, в сущности, мимо Пришвина, задев его творчество лишь стороной: ему не удалось дать обобщенно-художественного познания их» [Григорьев, 1930, с. 61].

3. Художественный образ Троцкого в публицистике Пришвина и в повести «Мирская чаша»

О прямом и непосредственном участии Пришвина как в литературно-публицистической, так и в идейно-политической жизни общества в революционный период свидетельствует не только задержанная на многие годы «Мирская чаша», но и множество его статей с резкой критикой деятельности партии большевиков — откликов на злобу дня, которые печатались в оппозиционных эсеровских газетах. Следует отметить, такая позиция в условиях объявленной борьбы с контрреволюцией свидетельствовала как о гражданской смелости писателя, так и его о личном мужестве, что подтверждалось самим содержанием статей Пришвина.

Примечательно, что 7 ноября 1917 года, именно в тот день, который для всего XX века оказался среди основных значимых дат, Пришвин отмечал, что одна из ошибок русских демократов заключается в мнении, будто большевистский переворот является исключительно «делом Ленина и Троцкого», «и потому (они. — А. П., В. Т.) ищут с ними соглашения. Они не понимают, что “вожди” тут ни при чем и нашествие это не социалистов, а первого авангарда армии за миром и хлебом, что это движение стихийное» [Пришвин, 1991, с. 386]. Преимущество партии Ленина и Троцкого, по мнению Пришвина, было в том, что большевики действовали предельно нечестно, не гнушаясь никакими средствами: широко применяя популизм и демагогию, софистическую подмену слов и беззастенчивый обман обещаний — тотчас же после свержения буржуазно-капиталистической власти разрешить абсолютно все назревшие проблемы общества. Одним из примеров, как большевики заманивали людей под свои знамена, выступает примечательное аллегорическое сравнение Пришвина: «Рыбу ловят на червяка, птицу на зерно, волка на мясо, медведя на мед, а мужика ловят на землю (курсив наш. — А. П., В. Т.).

Подумаешь — многомиллионный мужик, медведь, и не мог сообразить, а какой-нибудь Троцкий, *похожий на фармацевта* (курсив наш. — А. П., В. Т.), вперед знал, что дать землю мужику значит связать его» [Пришвин, 1995, с. 91].

В этой дневниковой записи 8 сентября 1920 года, в полном соответствии с мудрой поговоркой «цыплят по осени считают», Пришвин как бы подводит итог революционному роману крестьянства с большевиками. Именуя Троцкого «*фармацевтом*», писатель использует образное высказывание А. Блока, имевшего в виду не работников аптек, а идущий на смену разночинной интеллигенции новый духовно «господствующий класс, который ... как бы его назвать? Назовем, пожалуй, класс фармацевтов»,

то есть сословие интеллигентных «схолиастов», от маниакальных политических устремлений которых «ждать нечего, кроме погромов» [Блок, 1962, т. 5, с. 338]. И нужно сказать, что опасение поэта полностью оправдалось.

Захватив государственную власть, «фармацевты» от партии большевиков тотчас же с фанатической одержимостью приступили к переустройству огромного государства по своим политическим рецептам. «Состав большевистский: две группы, одна экспериментаторов (Ленин, Троцкий, Свердлов), другая “честных тружеников” (Семашко, Рыков), которые фактически веруют в Ленина, берут на себя весь крест дела» [Пришвин, 1994, с. 118]. Для того, чтобы люди охотнее участвовали в революционных экспериментах над Россией, большевики развернули бурную пропаганду по одурманиванию населения лозунгами, что единственное спасение селян-земледельцев — отнять у помещиков их землю. И крестьяне, движимые социалистической мечтой о справедливом переделе земли, принялись за революционной грабеж помещичьих усадеб, который закончился самым примитивным дележом земельных угодий по количеству живых душ. Результатом стало то, что раздел земли на мелкую чересполосицу уничтожил культуру земледелия, которая была сосредоточена преимущественно в крупных помещичьих хозяйствах.

Кроме того, пока крестьянство с революционным ожесточением осуществляло незаконный захват земли, партия большевиков совершила очередной обман, отменив частную собственность на землю в принятом в феврале 1918 года «Основном законе о социализации земли», и провозгласила целью Советской власти «развитие коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству» [Декреты ..., 1957, т. 1, с. 407]. Получилось, что спустя лишь три месяца после прихода с помощью крестьянства к власти большевики отняли у него право на землю, передав ее в исключительную собственность государства.

Революционный успех соратников Ленина и Троцкого, пишет Пришвин, во многом обеспечивала не только легковверная наивность и неискушенность людей в политических вопросах, но и «способность русского народа создавать легенду, обманываться — заменять Христа Антихристом» [Пришвин, 1995, с. 207]. Этому во многом способствовала развернутая большевиками воинственная атеистическая пропаганда, подрывающая нравственность народа, традиционно основанную на верности заветам Христа. «В наше время царит обезьяна, осуществляющая идеалы Христа», распоряжения которой исполняет комиссар — «социальная вошь с теорией

классовой борьбы» [Там же, с. 15, 38]. 28 октября 1917 года Пришвин открыто заявляет в статье «Смех обезьян», что отныне по воле большевиков вместо Бога над русскими людьми восседает обезьяна: «Мы завоеваны, последнее оружие, принятое нами, русской демократией, от наших великих учителей, отвращение к насилию, к смертной казни находится в руках Троцкого: после его слов о “бескровности” переворота, нельзя без чувства гадливости употреблять это слово. Бессильно всякое слово, потому что, произнося его, мы смеем хор обезьян» [Пришвин, 2004, с. 106].

Даже Максим Горький, горячо поддержавший Октябрьскую революцию, выступил 12 ноября 1917 года в издаваемой им газете «Новая жизнь» с обличительной статьей против репрессивной политики большевиков, связывая ее прежде всего с личностью Троцкого: «Пугать террором и погромами людей, которые не желают участвовать в бешеной пляске г. Троцкого над развалинами России, — это позор и преступление» [Горький, 1990, с. 153]. Правда, единственным результатом этой и других критических статей Горького оказалось лишь то, что вслед за оппозиционными газетами эсеров и «Новая жизнь» в июне 1918 года была закрыта. К такому же выводу о нетерпимости ко всякому инакомыслию мог бы прийти любой, побывав на митингах и собраниях большевиков, где главным содержанием речей ораторов была пропаганда классовой вражды и ненависти ко всем иным классам, кроме пролетариата. Однако, заключает Пришвин, все это были не сами большевики, а «почивающий на них дух обезьянства и насилия» [Пришвин, 1991, с. 297]. О присущем революционно-социалистическому движению духе обезьяньего подражательства Пришвин говорил еще в 1915 году, задолго до революционного переворота: «Удел русского интеллигента: за Китайской стеною религии, отделяющей народ от общения с ним, питаться крошками, падающими со стола европейской учености и безверия» [Там же, с. 206].

В «Мирской чаше» торжествующая революционная обезьяна становится основным прообразом советских чиновников, типичным представителем которых выступает комиссар Персук, любивший, как и Троцкий, для демонстрации своей *«европейскости»* щеголять во френче — полувоенном мундире английских колонизаторов, где для полноты картины не хватает только пробкового шлема. «Фуражка матросская, из-под нее казачий чуб — знак русской вольности, а на френче все карманы — знак европейского порядка, и в каждом кармане, кажется, сидит по эсеру, меньшевику, кооператору, купцу, схваченных где-нибудь на ходу под пьяную руку» [Пришвин, 2001, с. 87—88].

Нелепость облика комиссара — очевидное указание авторской сатиры на большевизм. Внешняя несуразность обличья Персюка неизбежно обогатывается идейным хаосом сознания, когда становится ясно, что в карманах комиссара содержится угодившая *«под пьяную руку»* лишь какая-то сошка: меньшевик, купец, эсер, кооператор, которых большевизм провозглашал врагами рабочего класса. Так Пришвин аллегорически изображает идеологию партии большевиков, которая лишь формально усвоила марксизм, а в реальности теорию коммунизма комиссары воплощают *«на ходу»*, совершенно не заботясь о нуждах простых людей, еле живых от коммунистических экспериментов новоявленных социальных *«фармацевтов»*. И в этом еще одно сходство художественного образа Персюка с Троцким, ибо стереотипы отношения к людям рядовые местечковые комиссары брали от столичной власти: значение обывателей, провозглашал Троцкий, для истории совершенно ничтожно: все они *«пойдут навозом под новую культуру»* [Троцкий, 1991, с. 42].

Однако Пришвин не ограничивается высмеиванием местечковых комиссаров, по-обезьяньи перенимающих от центральной власти чуждые для отечественного менталитета фармацевтические рецепты сотворения социализма, и дополняет сатирическое изображение русского большевика в европейском френче философскими размышлениями об исторической бесплодности идеологии насилия. Для писателя очевидно, что для строительства социализма нужно множество жертв, о полном презрении к которым со стороны большевиков говорится в одной из глав повести *«Мистерия»*, в которой изображена сцена похорон главного героя на центральной площади города. Здесь бывший дьякон Егор Иванович, за пристрастие к пьянству лишенный сана, совершает ритуал *«красных похорон»*: дьякон *«прошелся туда и сюда возле гроба, обдумывая, и вдруг выхватил одну руку, простирая к покойнику»*, но внезапно *«какая-то финтифлюшка, обязательная в речах новых ораторов, вывернула простые слова: “Покойный Товарищ” — на совершенно другое и не бывалое ни при каких похоронах, ни в какой стране, вместо “покойный товарищ” дьякон сказал:*

— Товарищ Покойник!» [Пришвин, 2001, с. 132, 133].

Мистику обращения Егора Ивановича к лежащему в гробу человеку оборвало еще одно фееричное событие: вдруг снежный смерч, взявшийся совершенно ниоткуда, выкинул прямо под ноги людей *«автомобиль, в нем стоял молодой человек с пепельным лицом и всеми кривыми чертами лица. Леданым голосом крикнул молодой человек:*

— Смерть!

Все в страхе примолкли.

— За одну голову этого товарища мы возьмем тысячу голов: смерть, смерть!» [Там же, с. 134].

Для современников Октября эта сцена повести с появлением страшного человека на автомобиле — более чем прозрачный намек на Троцкого, который на многочисленных карикатурах тех лет часто изображался в образе Мефистофеля — человека «в английском френче с пробковым шлемом» и со «всеми кривыми чертами лица». Широко известной была и склонность Троцкого к театрално-пропагандистским эскападам. Именно так, используя для передвижения личный поезд, где в специальных вагонах находились несколько грузовиков и легковых машин, Троцкий в сопровождении охраны любил неожиданно появляться в самых отдаленных частях и гарнизонах. При этом с проверками по стране народный комиссар по военным и морским делам любил путешествовать со всеми бытовыми удобствами. Знакомые Пришвина рассказывали, что они видели этот знаменитый поезд и «самого Троцкого — в черной паре с синим галстуком, смотрел на них из салон-вагона и хохотал, а за салон-вагоном будто бы вагон-спальня, потом кабинет, потом вагон со свиньями, вагон с курами, вагон с крупой, с вареньями и другие вагоны со всяким продовольствием» [Пришвин, 1994, с. 286].

Не менее известной была и беспощадность нрава Троцкого, который сразу же после назначения его в 1918 году наркомвоенмором создает в Красной армии заградотряды и военные трибуналы, с показательной жестокостью наводя железную дисциплину в войсках. Первый же его выезд на фронт в августе 1918 года был ознаменован кровавым инцидентом, когда насильственно призванных крестьян, отступивших с занятых позиций, подвергли децимации по распоряжению Троцкого: «Командир и комиссар были приговорены к расстрелу, а затем полк построили, заставили рассчитаться и расстреляли каждого десятого» [Чернявский, 2012, с. 236]. Очевидно, что Троцкий как эрудированный и опытный «фармацевт» решил применить для наведения порядка в Красной армии уже испытанный рецепт военачальников Древнего Рима — казнь каждого десятого солдата при групповых преступлениях.

О том, что казнь заложников была обыденной практикой большевизма в годы гражданской войны, свидетельствует пришвинский «Дневник» 1918 года, где писатель говорит о стихийных волнениях среди жителей Ельца, которые решительно отказались от мобилизации в армию. Тогда красноармейцы провели в Ельце карательную операцию с повальными обысками и показательными расстрелами бунтовщиков, а когда горожане «собрались с духом и топорами зарубили трех красногвардейцев», в отместку каратели расстреляли городские предместья из орудий и пулеметов.

Затем состоялось торжественное погребение павших от рук жителей красноармейцев, и комиссар, копируя манеры и слова Троцкого, «говорил речь и клялся на могиле, что за каждую голову убитых товарищей он положит сто буржуазных голов» [Пришвин, 1994, с. 100].

Вместе с тем Пришвин как писатель и мыслитель не только критикует и обличает революционный террор и хаос, который несла в страну партия большевиков, но, что особенно важно, осознает и свою ответственность за случившееся с Россией: «Это мы были “коммунистами”, наша эгоистическая злоба создавала бесов», — пишет он в 1919 году [Там же, с. 331]; а потом это же еще раз повторяет в «Дневнике» 1920 года: «Это наше, наше правительство! мы все в нем виноваты» [Пришвин, 1995, с. 106].

4. Заключение

Подводя итог, отметим: отображая в своих произведениях революционные события, Пришвин стремится достоверно передать не только духовную атмосферу общества, но и показать нравственный облик и характерные личностные черты партийно-государственных деятелей. Изображая Троцкого как «фармацевта», который в большой политической реторике с безудержным фанатизмом пытается по своим рецептам творить будущее огромной страны, писатель художественно передает характерные особенности идейно-политической борьбы в становящемся советском обществе. И вполне закономерно, что образ Троцкого, вошедшего в историю большевизма своим ярким демагогическим талантом и безудержным популизмом, получил у Пришвина четко выраженный сатирический вид.

Источники

1. *Декреты Советской власти*. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957. — Т. 1. — С. 407.
2. Михаил Михайлович Пришвин : Библиографический указатель / Сост. Н. В. Борисова, З. Я. Холодова. — Иваново : ЛИСТОС, 2013. — 175 с. ISBN 978-5905158-21-6.
3. *Пришвин М. М. Дневники*. 1914—1917 / М. М. Пришвин. — Москва : Московский рабочий, 1991. — 432 с. ISBN 5-239-01228-8.
4. *Пришвин М. М. Дневники*. 1918—1919 / М. М. Пришвин. — Москва : Московский рабочий, 1994. — 383 с. ISBN 5-239-01845-6.
5. *Пришвин М. М. Дневники*. 1920—1922 / М. М. Пришвин. — Москва : Московский рабочий, 1995. — 334 с. ISBN 5-239-01845-6.
6. *Пришвин М. М. Дневники*. 1923—1925 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 1999. — 416 с. ISBN 5-239-01845-6.
7. *Пришвин М. М. Мирская чаша* / М. М. Пришвин. — Москва : Жизнь и мысль, 2001. — С. 73—145. ISBN 5-8455-0028-1.

8. *Пришвин М. М.* Смех обезьян. Из дневника / М. М. Пришвин // Цвет и крест / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : ООО «Издательство «Росток», 2004. — С. 105—106. ISBN 5-94668-023-4.
9. *Троцкий Л. Д.* Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. / Л. Д. Троцкий. — Москва : Политиздат, 1991. — 400 с. ISBN 5-250-01431-3.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блок А. А.* Собрание сочинений : в 8 тт. / А. А. Блок. — Москва, Ленинград : Государственное издательство художественной литературы, 1962. — Т. 5. Вопросы, вопросы и вопросы. — С. 329—361.
2. *Борев Ю.* Эстетика Троцкого / Ю. Боров // Троцкий Л. Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. / Л. Д. Троцкий. — Москва : Политиздат, 1991. — С. 3—20. ISBN 5-250-01431-3.
3. *Горький М.* Несвоевременные мысли / М. Горький. — Москва : Советский писатель, 1990. — 400 с. ISBN 5-263-02154-X.
4. *Григорьев М.* Бегство в Берендеево царство : О творчестве Пришвина / М. Григорьев // На литературном посту. — 1930. — № 8. — С. 48—61.
5. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 тт. / В. И. Ленин. — Москва : Политиздат, 1963. — Т. 41. О пролетарской культуре. — С. 336—337.
6. *Омельченко Н. А.* Власть и творчество : о книге Льва Троцкого «Литература и революция», классовом подходе, «Воронщине» и советских вождах-меценатах / Н. А. Омельченко // PolitBook. — 2016. — № 3. — С. 114—133.
7. *Подоксенов А. М.* Мировоззренческий контекст повести М. М. Пришвина «Мирская чаша» (Опыт герменевтического исследования) : монография / А. М. Подоксенов. — Елец : Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2007. — 326 с. ISBN 978-5-94809-273-7.
8. *Чернявский Г. И.* Лев Троцкий / Г. И. Чернявский. — Москва : Молодая гвардия, 2012. — 665 с. ISBN 978-5-235-03510-2.
9. *Юрганов А. Л.* Контролируемый литературно-художественный процесс : публицистическая программа Льва Троцкого / А. Л. Юрганов // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2018. — № 1 (34). — С. 91—100.

PRISHVIN AND TROTSKY: A MAN “LIKE A PHARMACIST” IN THE NOVEL “THE WORLD CUP”, JOURNALISM AND THE WRITER’S DIARY¹

© **Alexander M. Podoksenov (2021)**, orcid.org/0000-0001-6405-6140, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bunin Yelets State University” (Yelets, Russia), podoksenov2006@rambler.ru.

---

1 The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Lipetsk Region within the framework of the scientific project No. 20-412-480001 “The Artist and the Power: Mikhail Prishvin and the Soviet Leaders”.

© **Valentina A. Telkova (2021)**, orcid.org/0000-0001-5738-3143, PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language, Methods of its Teaching and Documentation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bunin Yelets State University” (Yelets, Russia), telkova.2014@bk.ru.

The relevance of the study is due to the fact that the subject of the article is the question of the influence of L. D. Trotsky [Bronstein], who was one of the key leaders of Bolshevism, who headed the October Revolution, on the worldview and creativity of M. M. Prishvin, which has not yet been considered in the European studies. It is shown that in Russian art it is difficult to find an artist of the word, whose work would be to the same extent conditioned by the influence of the ideological and political context. The novelty of the study lies in the fact that for the first time an attempt was made to show how, through individual characters in his works, Prishvin in an artistic and figurative form reflected the characteristic features of behavior, everyday habits, the style of thinking and speech of Trotsky. Particular attention is paid to the analysis of previously unpublished due to censorship restrictions of the writer's works: the story “The World Cup”, journalism of the revolutionary years and the 18-volume Diary, which became available to the reader only in the post-Soviet period. It is shown that, depicting Trotsky as a “pharmacist” who, according to his recipes, is trying to create the future of a huge country, Prishvin seeks not only to artistically reflect his moral appearance and personality traits, but also to convey the features of the ideological and political struggle in Soviet society.

Key words: Prishvin; Trotsky; Marxism; Bolshevism; class struggle; ideology; politics; revolution; the state.

MATERIAL RESOURCES

- Dekrety Sovetskoy vlasti. 25 oktyabrya 1917 g. — 16 marta 1918* [Decrees of the Soviet government. October 25 1917 — March 16 1918], 1. (1957). Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury. 407 p. (In Russ.).
- Mikhail Mikhailovich Prishvin: Bibliograficheskiy ukazatel'* [Mikhail Mikhailovich Prishvin: Bibliographic index]. (2013). Ivanovo: LISTOS. 175 p. ISBN 978-5905158-21-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1991). *Dnevnik. 1914—1917* [Diaries. 1914—1917]. Moskva: Moskovskiy rabochiy. 432 p. ISBN 5-239-01228-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1994). *Dnevnik. 1918—1919* [Diaries. 1918—1919]. Moskva: Moskovskiy rabochiy. 383 p. ISBN 5-239-01845-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1995). *Dnevnik. 1920—1922* [Diaries. 1920—1922]. Moskva: Moskovskiy rabochiy. 334 p. ISBN 5-239-01845-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1999). *Dnevnik. 1923—1925* [Diaries. 1923—1925]. Moskva: Russkaya kniga. 416 p. ISBN 5-239-01845-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2001). *Mirskaya chasha* [Mirskaya Chasha]. Moskva: Zhizn' i mysl'. 73—145. ISBN 5-8455-0028-1. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2004). *Smekh obezyan. Iz dnevnika* [Laughter of monkeys. From the diary]. *Tsvet i krest* [Color and cross]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo «Rostok». 105—106. ISBN 5-94668-023-4. (In Russ.).
- Trotsky, L. D. (1991). *Literatura i revolyutsiya. Pechatayetsya po izd. 1923 g* [Literature and Revolution. Published in 1923]. Moskva: Politizdat. 400 p. ISBN 5-250-01431-3. (In Russ.).

REFERENCES

- Blok, A. A. (1962). *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 8 (5). Moskva, Leningrad: Gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 329—361. (In Russ.).
- Borev, Yu. (1991). Estetika Trotskogo [Aesthetics of Trotsky]. In: *Trotskiy L. D. Literatura i revolyutsiya. Pechatayetsya po izd. 1923 g* [Trotsky L. D. Literature and Revolution. Published in 1923]. Moskva: Politizdat. 3—20. ISBN 5-250-01431-3. (In Russ.).
- Chernyavskiy, G. I. (2012). *Lev Trotskiy* [Lev Trotsky]. Moskva: Molodaya gvardiya. 665 p. ISBN 978-5-235-03510-2. (In Russ.).
- Gorkiy, M. (1990). *Nesvoyevremennyye mysli* [Untimely thoughts]. Moskva: Sovetskiy pisatel'. 400 p. ISBN 5-263-02154-X. (In Russ.).
- Grigoryev, M. (1930). Begstvo v Berendeyevo tsarstvo: O tvorchestve Prishvina [Flight to the Berendeyev Kingdom: about Prishvin's creativity]. *Na literaturnom postu* [On a literary post], 8: 48—61. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1963). *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete works], 41. Moskva: Politizdat. 336—337. (In Russ.).
- Omelchenko, N. A. (2016). Vlast' i tvorchestvo: o knige Lva Trotskogo «Literatura i revolyutsiya», klassovom podkhode, «Voronshchine» i sovetskikh vozhd'yakh-metsenatakh [Power and creativity: about Lev Trotsky's book "Literature and revolution", class approach, "Voronshchina" and Soviet leaders-patrons]. *PolitBook* [PolitBook], 3: 114—133. (In Russ.).
- Podoksenov, A. M. (2007). *Mirovozzrencheskiy kontekst povesti M. M. Prishvina «Mirskaya chasha» (Opyt germeneyticheskogo issledovaniya): monografiya* [Worldview context of the story of M. M. Prishvin "Mir Cup" (Experience of hermeneutical research). Monograph]. Yelets: Yeletskiy gosudarstvennyy universitet im. I. A. Bunina. 326 p. ISBN 978-5-94809-273-7. (In Russ.).
- Yurganov, A. L. (2018). Kontroliruyemyy literaturno-khudozhestvennyy protsess: publitsisticheskaya programma Lva Trotskogo [Controlled literary and artistic process: publicistic program of Lev Trotsky]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kulturologiya* [Vestnik RSUH. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology], 1 (34): 91—100. (In Russ.).